

Vol.

Роман Михайлов

Ягоды

Сборник сказок

individuum/vol.

УДК 82.344

ББК 84(2)6

М69

Михайлов, Роман

М69 Ягоды. Сборник сказок / Роман Михайлов. —
М.: Individuum, Эксмо, 2025 — 344 с. — (Vol.).

ISBN 978-5-6042628-7-0

Роман Михайлов — писатель, драматург, автор книг «Изнанка крысы» и «Равинагар», специалист по символическим цепочкам и пространствам. «Ягоды» — сборник магических сказок, написанных в разные годы. Отдельные тексты ложились в основу фильмов и спектаклей, но собранные вместе они образуют единый мир со сквозными сюжетами (уход от мира, волшебное превращение, общение живых и мертвых, безумие как способ изменить реальность) и перетекающими персонажами.

ББК 84(2)6

М69

 individuum Vol.

© Роман Михайлов, 2019

© Джахангир Сулейманов, иллюстрации

© ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-6042628-7-0

Individuum®

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
<i>Война</i>	11
<i>Самолеты</i>	85
<i>Маски</i>	101
<i>Ягоды</i>	144
<i>Золотаревские болота</i>	165
<i>Героин приносили по пятницам</i>	215
<i>Баня</i>	286
<i>Сны моего отца</i>	318
<i>Старый заяц</i>	332

Предисловие

Н. — мой учитель. Несколько раз пытался прочесть ему сказки. Мы ехали с Н. в поезде, возвращались после сбора яблок в заброшенном колхозе. Усталые. Спросил, хочет ли он, чтобы я прочитал ему сказки. Он ответил, что не хочет. Не хочет ничего слышать, в том числе сказки. Второй раз задал ему тот же вопрос, когда мы сидели в пустой квартире, — тогда еще присутствовал К. Хозяин квартиры продал всю мебель. Сказал, что в этих сказках есть и Н., и К., только они скрыты под другими именами. Н. ответил, что раз так, надо послушать, но не сейчас. Третий раз напомнил ему про сказки,

когда мы сидели около поликлиники. Он ответил: «Давай». Я достал из рюкзака смятые листы, смахнул с них крошки от раздавленного печенья и начал читать. «Война». Н. внимательно выслушал «Войну», сказал, что ничего особенного, но попросил продолжить. На следующий день прочел ему «Самолеты», а еще через день «Маски». Только через девять дней, после того как Н. послушал «Старого зайца», он ответил, что понимает, о чем идет речь. Какие-то моменты его возмутили: он узнал истории и персонажей, какие-то моменты его обрадовали, он сказал, что именно так и должно было произойти в реальности и жаль, что это сказки. Самым радостным было услышать от него «это же мы».

Этот сборник сказок выходит в конце 2019-го, они расположены в том же порядке: начинаются «Войной», заканчиваются «Старым зайцем». Девять дней. Девять сказок. Сейчас понятно, что другого времени для издания этого сборника не было и не будет.

Уже несколько лет я работаю над текстом под рабочим названием «Антиравинагар». Этот сборник станет моим тихим методом, герои «Антиравинагара» будут его листать, на нем гадать, его опровергать. Это те же герои, что везде, во всех моих текстах — просто у них меняются имена, кто внимательно и с интересом читает, их без проблем распознаёт. Этот сборник будет лежать в комнате, в которую мы зайдём с Н., и в нем будет удерживаться тело памяти.

Первое впечатление от города: нет ни одной ровной улицы, все изогнуто и есть ощущение, что изогнуты направления в целом — будто смотришь через толстое неровное стекло или систему плавных зеркал. Чтобы посмотреть на восток, нужно идти взглядом за дома, закручивать в себе

видимое. Не получается показывать рукой «восток —там». Восток оказывается действием, чередой движений, а не только направлением. Интересно, как там строятся храмы, как освящаются, какие псалмы поются. Еще интересно, как я выгляжу со стороны. Если, находясь в городе, подойти к зеркалу и взглядеться, можно лишиться речи, выхватить такой испуг, который не пройдет никогда. Понятно, что там не будет привычного лица. Некое птичье зрение и нефиксируемая телесность, парящая в системе зеркал? Цвета слышатся как шепот. Н. сказал, что к вечеру ожидаются гости, надо подготовиться. Н. встал у солнечной стороны, посмотрел на стену. Если подойти и спрятаться в его тени, скроешься не только от солнца, но и от всего, останешься существовать — только не здесь. Тень как приют. И если, когда придут гости, станет совсем страшно, можно укрыться в тени Н. Но как будет в помещении со светом, может быть, все окажется в тени и не увидим друг друга. («Антиравинагар»)

Когда придут гости, я прочту им эти сказки. Пусть приходят девять дней. Большинство сказок было написано совсем давно. Совсем давно — в 1950-е, 1960-е, как только я переехал в город. Какая, собственно, разница, когда они были написаны. Сейчас мы проживаем ощущение воли к иному — нелепое и трогательное.

*Роман Михайлов,
Тверь, осень 2019*

Война

Родился я в бедной семье. Отец ушел, когда я совсем маленьким был. Так мы с матерью вдвоем и остались. Жили в хрущевке, кушали одно время мало, но потом пришло хорошее: мать устроилась официанткой в местный санаторий и у нас стало навалом вкусной еды. Мама приносила заливную рыбу, салаты, даже сладости разные. Днями я шатался по двору. Хоть был и маленьким, но мама отпускала, оставляла ключи от дома. Она уйдет, а я дворовых друзей приведу, посидим, рыбу поедим. А вечером она возвращалась – в одно и то же

время возвращалась. Я стоял на остановке каждый вечер, знал, что пройдет еще две минуты, еще одна минута, еще несколько секунд... приедет автобус, она выйдет, обнимет меня, и мы вместе пойдем домой.

Было мне лет шесть-семь. В доме напротив поселились бабушка с внуком. Сначала мы смотрели на них со стороны, как они из магазина возвращаются, с автобусной остановки домой ходят. А однажды он к нам во двор вышел. Дети сразу начали звать его уродом. Я тоже закричал в первый раз «Урод!» и побежал со всеми. У него с лицом что-то было странное. То ли ожог, то ли травма какая-то. Нос сливался с щеками не как у всех, а пугающе, и губы были вздернутые – такие, что зубы всегда было видно, даже когда он рот не открывал. Мы тогда закричали на него, а он на нас: «Сами уроды», – что-то швырнул в нас.

Один раз он вышел, а никого больше во дворе не было. Он сел около дерева, прямо на землю. Я подошел.

– А почему ты такой? – спросил я.

Он ничего не ответил, посмотрел и подул на меня. Подошел ближе, прямо к лицу своим лицом, снова подул.

– Ты ветер показываешь?

Я поразглядывал его лицо. Без страха. А он снова дунул.

– Пошли ко мне. У меня рыба заливная, вчера только сделанная, еще салат с колбасой.

Он молча кивнул, и мы пошли. Я его посадил на стул, на котором обычно сам сидел, дал большую тарелку с рыбой и салатом, ложку.

- Ешь.
- А ты чего сам не ешь?
- Я уже поел. Ешь.

Он нерешительно прикоснулся к еде – ложкой, а потом прямо рукой. Ел и смотрел на меня.

- Ты тоже в школу пойдешь? – спросил я.
- Да.
- В нашу, рядом с домом?
- Нет, я буду в дальнюю ходить.
- Она же для дебилов. Там только дураки учатся.
- Наоборот. Там только те, кто знает тайны.

Этим же вечером я начал упрашивать маму, чтобы она отвела меня в первый класс не в соседнюю школу, а в дальнюю. Она разозлилась, начала кричать, что та школа для умственно отсталых. Я ей говорил, что все наоборот, но она не слушала. В конце разговора вообще расплакалась, сказала, что не ценю ее стараний.

- Так почему ты такой?
- Я был красивым. Но однажды высунулся из окна. Был сильный ветер. Он взял мое лицо и размыл по себе. Я кричал громко, больно было. У соседей все это было. Бабушка прибежала, думала, что умираю.
- И не вернул обратно?

— Нет. Сказал, что если я дуть буду, как он дует, то, может, и вернет.

— Поэтому ты ветер показываешь?

— Да. Ты меня тоже уродом зови, не стесняйся.

— Хорошо.

Тогда я испугался, что ветер может на меня тоже сильно подуть и все мое лицо сплющится. Я решил, что если ветер начнет дуть, то закрою лицо или даже упаду на землю лицом вниз.

Мы с Уродом подружились. Из-за этого со мной перестали общаться все остальные дети во дворе. Иногда приглашал их к себе поесть. Придут, молча сядут, съедят все, уйдут. Мама ругалась, говорила, что не против, чтобы я с Уродом дружил, но неужели больше дружить не с кем.

Наступила осень. Я пошел в школу, в первый класс. А Урод пошел в другую школу, дальнюю, у старых домов.

— В нашем классе собрались люди тайн.

Я упросил Урода провести меня как-нибудь к своей школе и показать людей тайн. Один раз занятия я закончил пораньше и пошел не домой, а к его школе. Мама была на работе, я мог гулять, как обычно, до самого вечера. Он встретил.

— Смотри, сейчас будут выходить.

Мы сели на скамейке у его школы. Я уставился на двери в ожидании людей.

— Где же они?
— Сейчас уже... За ними родители обычно приезжают, а некоторые и сами выходят.

— Где же они?
— Сейчас, сейчас.

Дверь открылась. Вышла женщина. Она вела за руку мальчика, который смотрел почему-то наверх. У него голова держалась на теле не как обычно, а повернуто, вот и выходило, что он всегда наверх смотрел.

— Кто это? — шепнул я.
— Страшный человек. Знает небо. Видишь, куда он смотрит? Вот так! Он может с небом поговорить, и дождь пойдет.

Следующей вышла девочка. Она выглядела странно, а глаза у нее смотрели в разные стороны.

— Как думаешь, куда она смотрит? — тихо спросил Урод.
— По сторонам? — неуверенно сказал я.
— Нет, в себя. Она в себе видит что-то особенное. А глаза ее — так, для вида, чтобы внутренние глаза не отвлекались.

После этого дня я снова попросил маму, чтобы она меня перевела в другую школу, чем вызвал ее крик и упреки. Она даже заплакала, закричала, что не понимает, что со мной происходит, и пригрозила, что запретит дружить с Уродом.

— Если сильно закричать, то дождь пойдет. Мне тот человек рассказал, который на небо смотрит — он знает. Он сказал, что один раз кричал долго и дождь пошел. Только надо

кричать громко, на небо смотреть и не сдерживать себя.
А-а-а-а. Громко-громко.

— А ты дуешь на них? В школе у себя.

— Да. На всех дую. Если мы не захотим когда-нибудь в школу идти, мы с ним ветер с дождем устроим, деревья сломаются, все дороги перегородят. Все забегают, запрыгают, заговорят: «Что это, что это?» — а мы продолжать будем.

У мамы на работе появились друзья, у которых был огород за городом. В тех местах находилось множество огородов, отделенных друг от друга железными заборчиками. На некоторых участках стояли маленькие домики, а еще теплицы, поливальные шланги, столы. Люди приходили, работали, поливали, сидели, смотрели на кусты, травы. Друзья стали приглашать маму на выходные, в смысле посидеть, посмотреть на чистый воздух, без лишних звуков и усталостей. Мама все отказывалась, но однажды согласилась и взяла меня с собой. Это было невыносимо скучно. Они все вместе сели за столом, разложили еду и выпивку, а мне сказали пойти побегать. Я бегал и поглядывал в их сторону, пытаясь усмотреть что-нибудь интересное. Так я пробежал целый день, после чего мы вернулись. И вот, при приближении следующих выходных, когда мама начала разговор о планах, я быстро выговорил заготовленное:

— Поеду, но только если мы Урода с собой возьмем.

Мама начала кричать, повторять раз за разом, что не понимает, что вообще происходит и почему все именно так

происходит. Она повторила все это несколько раз, после чего спокойно сказала, что если я с ним хочу дружить, то ничего в этом плохого нет, и, действительно, пусть он поедет с нами.

На следующие выходные мы поехали все вместе. Мама шла впереди, а мы с Уродом чуть сзади. Смотрели по сторонам. Когда друзья нас увидели, они сразу же замолчали.

– Вот, соседский. Бедный... Дружат. Пусть вместе побегают, – сказала мама, представляя Урода.

– Да, конечно, – нерешительно ответил кто-то из друзей. – Как тебя зовут?

Урод подошел к спрашивающему и подул в его лицо.

– Ха-ха, – выдал из себя. – Веселый. Ладно, бегайте, ягоды собирайте. Сразу съедайте. Они вкусные, когда сразу с куста.

Мы с Уродом побежали.

Когда мы вернулись, мама и друзья были в веселом настроении. Тот, что сказал нам про ягоды, махнул рукой, чтобы мы подошли поближе. Мы так и сделали. Тогда он махнул Уроду, чтобы тот подошел еще ближе.

– Вот, что я тебе скажу, – у него язык немного заплетался, а глаза делались то серьезными, то закатывающимися. – Живи и знай, что в мире много добрых людей, которые всегда помогут, всегда обогреют.

– Ну, перестань, отстань ты от него, – сказала женщина, сидевшая рядом.

— Нет, пусть знает. Пусть живет и знает, что мы его любим. Что для злых людей он — урод, а для нас, людей души, он как сын родной.

— Ну, какой сын родной, что ты говоришь? Идите. Побегайте еще.

— Нет, пусть слышит. Да ты для меня...

Он сполз со стула и встал на колени перед Уродом.

— Идите. Побегайте, вам говорят, — закричала мама.

Мы снова побежали, оглядываясь на то, как этого человека берут под руки и снова сажают на стул. Он нам кричал что-то вслеп, но разобрать это было сложно. Мы обежали огород с другой стороны, спрятались за забором среди кустов, чтобы нас не было видно, а мы смогли всех видеть. Человек снова вставал, что-то говорил, его сажали, успокаивали.

— Иногда что-то со мною случается... Голова начинает болеть. Сначала почти незаметно. Даже не болит, но я уже знаю, что скоро это произойдет. Все останавливается. Стою и жду, что вот-вот в голове это начнется. А когда начинается, падаю, лежу, глаза открыть не могу, — прошептал Урод.

Мы сидели за кустами, смотрели на людей и друг на друга.

— Я однажды понял, что если дуть, как ветер, то легче голове становится. Долго дуешь если, то в голове меняется все, воздухом наполняется.

Я попробовал посмотреть внутрь своей головы, представить то, о чем рассказывал Урод. Что-то представил. Подул на Урода. Он подул на меня в ответ. Мы молча поняли друг друга, встали, побежали к столу с гостями, прямо к тому человеку, что стоял на коленях, подули ему в лицо и, не обращая внимания на то, что нам кричат вслед, побежали обратно.

Через несколько недель Урод уехал. За ним и бабушкой приехал огромный грузовик, рабочие перенесли мебель, закинули в кузов сумки, узелки, цветы в горшках всякие, они сели и поехали. Мама сказала, что они переезжают куда-то, а эта квартира была не их, там жила их родственница. Я стоял и смотрел на него, сидящего в кабине грузовика, а он смотрел на меня. И ничего не говорили. Не говорилось ничего само собой, и не думалось тоже ничего.

Я окончил школу, как и все, пошел в училище. Учился на коже: пошив курток, шуб, отделка одежды. Затем случилась работа на фабрике. У нас была толком одна фабрика, поэтому выбирать работу не приходилось. Было большой радостью, что я сумел выучиться и устроиться на эту работу: многим ровесникам и этого не пришлось, они остались слоняться да изживать себя.

Жизнь мамы сложилась сложно. Один раз она пришла домой с тем самым человеком с огорода, что стоял на коленях, и сказала, что он будет жить с нами и будет относиться ко мне как к сыну. Я тогда ничего не ответил, посмотрел внимательно на него, а у него слезы пошли по лицу, он протянул руки ко мне и так жалостливо: «Сынок».

Странный он был. Напьется иногда, орет на всю квартиру, на мать кидается с криками, угрозами, убить обещает. Соседи послушают это, милицию позовут. Милиция придет, поговорит с ним. Сядет на кухне в майке маленькой своей и трусах длинных, закурит, заплачет:

— А-а-а-а, — он часто так начинал, именно с такого чуткого внутреннего вопля, — а-а-а-а, что же я живу-то.

Наутро просит прощения и у матери, и у меня. На колени встает и говорит, говорит, говорит: о чувствах, о правде, о том, что если не простим его, то ему жить больше незачем. А неделя пройдет — снова напьется, снова побежит с криками и угрозами. Мы уже в один момент мало внимания обращать стали на него, и соседи перестали милицию звать, да и милиция уже не хотела приезжать и слушать его слезные рассуждения. Между работой и пьяной беготней он все время смотрел телевизор. Смотрел так же чувственно, с комментариями и общением. По его рассуждениям казалось, что он разбирается во всем на свете: в устройстве общества, политике, спорте. Иногда он отбегал от телевизора и ко мне так внушительно:

— Ты посмотри, а! Общество дегенератов, полудурков. Дума! Экономический баланс нулевой, валовый национальный продукт снижен, курс рубля удержать не могут. Дармоеды.

Общаться на этот счет или спорить было бессмысленно. Он этим занимался каждый день и знал телевизионные новости до мелочей. Обычно я поддерживающе кивал, соглашался, хотя и не всегда понимал, о чем шла речь.